
ПСИХОТЕХНИКА

В. И. Олешкевич

СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИИ П. Я. ГАЛЬПЕРИНА: НОВЫЕ ПСИХОТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЕЁ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье ставится вопрос об интеграции методологических идей Гальперина в современную мировую психологию. Она рассматривается в контексте истории культуры и культурно-исторического опыта. Для целостного и системного ее понимания и рефлексивной реконструкции ее оснований, психология Гальперина анализируется с социологической, культурологической, методологической и психотехнической точек зрения. Показывается, что психология поэтапного формирования умственных действий, как и вся советская деятельностная психология, глубоко укоренены в советскую культуру и психологически рефлектируют именно советский культурно-исторический опыт. Обосновывается значимость такого подхода к пониманию и анализу к любой концепции психологии, что любая психология основывается на определенной культурно-исторической матрице социального опыта, который она и рефлектирует. Рассматривается ряд направлений развития психологических, методологических идей Гальперина, а также их значение для методологии психологии, экспериментальной психологии и для рефлексивного исследования психологической практики. В частности, показываются возможности интеграции походов Гальперина с феноменологическим анализом Э. Гуссерля и его феноменологической психологией, экзистенциальным анализом феномена ориентировки и пр. Показывается как анализ концепции психики как ориентировочной деятельности с точки зрения социологии знания расширяет ее феноменологические горизонты, позволяет расширить ее онтологическую базу и психотехнические возможности развития данного направления психологии. Это относится и к возможностям расширения прикладных направлений данной психологии, а также возможностей включения ее в психологическую практику.

Ключевые слова: психология, психотехника, методология, культурология, социология, деятельность, формирование, ориентировка, отражение, феноменология.

П. Я. Гальперин является, наверное, наиболее последовательным и радикальным представителем деятельностной психологии, и этим он, пожалуй, наиболее интересен для методологии современной психологии. Но, чтобы по настоящему понять Гальперина и открыть для его концепции новое пространство развития, необходимо исследовать его идеи с точки зрения социологии знания и ввести их в общий контекст мировой психологии. Другими словами, необходимо понять и исследовать социальные причины, социальные и культурные условия возможности, а также некоторые гносеологические и методологические

границы психологии Гальперина. Именно такого рода ее понимание позволяет ввести эту психологию в общее пространство культурно-исторического опыта, который рефлектирует мировая психология. В общем, эта задача относится ко всей советской психологии и, в частности, к психологии деятельности. Ведь в то время, когда зарождалась харьковская школа советской психологии, на Западе пышным цветом расцвел психоанализ и гештальтпсихология, а в Америке — бихевиоризм, которые рефлектировали иные формы культурно-исторического опыта, а это значит, что психология не безусловна, она исследует некоторые психотехнические данности, которые

уже функционируют в культуре¹. И, чтобы по-настоящему понять психологию Гальперина, нужно, прежде всего, уяснить, какой тип опыта эта психология рефлектирует. А для этого необходимо восстановить не только историю и методологию этой психологии, но и ее социологию и культурологию.

Итак, как же так исторически случилось, что предметом психологии в харьковской школе стала деятельность, в частности, ориентировочная деятельность у Гальперина? В. П. Зинченко полагает, что выдвиганию ориентировки в качестве «главного и единственного» предмета психологии сопутствовали или способствовали «внутренние и внешние обстоятельства»². Для уяснения внутренних обстоятельств В. П. Зинченко обращается к диссертационной работе Гальперина 1935 года, посвященной генезису орудийной деятельности, где, в частности, рассматривается природа избирательности человеческого познания. Здесь Гальперин пишет о том, что перед сознанием субъекта выделяются лишь те особенности окружающего мира, «которые являются прямым объектом его воздействия»³. И, как было принято в те времена, он приводит пример дикаря-охотника, перед сознанием которого выступает не химический состав пищи, но «только свойства животных и растений, на которые он ориентируется в охоте или собирании»⁴.

¹ Гуревич П. С. Прототип и образ // Психология и психотехника. 2011. № 10. С. 4–6; Гуревич П. С. Дети и деньги // Психология и психотехника. 2011. № 2. С. 5–7; Гуревич П. С. Пастораль и грех // Психология и психотехника. 2011. № 2. С. 109–110; Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания). М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2011; Олешкевич В. И. Индивидуальная психология и психотерапия Альфреда Адлера: учебное пособие. М.; Обнинск, 2010; Олешкевич В. И. История и логика развития европейской психотехники: монография. М.: МОСУ, 2005; Олешкевич В. И. История психотехники: учебное пособие по психологии. М.: Академия, 2002.

² Зинченко В. П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко: коллективная монография / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 396.

³ Гальперин П. Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998. С. 88.

⁴ Там же. С. 89.

Сделаем здесь небольшое культурологическое отступление. Понятно, что человек пристрастно видит мир, особенно, если он голоден, но это та аксиома, на которой стоит деятельностная психология. И она рефлектирует реальный опыт советского человека (и советского психолога), голодного и запуганного человека, переживавшего не раз реальный голод, в том числе, и голод на Украине. Из этого реального опыта и «выводится» вся эта пристрастность, активность и деятельность. Но был, конечно, еще и энтузиазм, строительство нового мира, и отсюда тоже формируется теория деятельности. Таким образом, социокультурная основа деятельности опирается на опыт голода, страха и советского энтузиазма. Но и не только.

Почему они все (не только Гальперин, но и А. Н. Леонтьев и другие) постигают психику на примере дикаря-убийцы животного? Формально это выглядит как будто некий генетический или филогенетический ход, как исторический пример и апелляция к истокам человеческой истории в духе материалистической диалектики Ф. Энгельса, но за этими психологическими штампами просвечивается и некий общий дух того времени. Почему «деятельность убийства» приводится как некий образец деятельности? Так отображается в психологии современная ей культурная ситуация, социальное бытие советского человека того времени. Ведь Гальперин и другие психологи харьковской школы происходили из интеллигентных семейств и были достаточно образованными для своего времени людьми, а тут они выводят психологию человека из первобытного охотника. Произошла какая-то массовая регрессия сознания, все смешалось, страх, энтузиазм, смерть, репрессии... и советский модерн, призывающий отбросить все старое. Ведь они знали и западную, и старую русскую психологию. И именно эту ситуацию рефлектирует психология деятельности, и из нее она рождается.

Такого рода исходную ситуацию можно идентифицировать для всякой психологии, но в западной культуре это совершенно иные культурные ситуации. Психология З. Фрейда рождается из осознания его собственного невроза и наблюдения за аналогичными неврозами его пациентов, М. Вертгеймер открывает свою психологию, путешествуя в поезде и наблюдая в окно сливающиеся в одно целое внешние объекты и размышляя о целостности восприятия, а американские психологи усмотрели реактивность поведения людей и то, что их поведение управляется внешними стимулами⁵. А для со-

⁵ Олешкевич В. И. История психотехники: учебное пособие по психологии. М.: Академия, 2002; Хант М. История психологии. М.: АСТ МОСКВА, 2009.

ветских психологов некоторой первичной очевидностью является то, что развитие человека происходит в деятельности или что этим развитием управляет деятельность, правда, специфическая советская деятельность и что внутренняя деятельность изоморфна внешней, потому что у советского человека не может быть какого-то особого приватного внутреннего мира, ибо такой человек уже подозрителен и он откуда-то из старого мира, а то и просто враг, подлежащий уничтожению. Эта сложная и амбивалентная экзистенциальная ситуация и проецируется на дикаря-охотника и на его «деятельность» по убийству животных, а также и на самих животных. На самом деле, у архаического охотника была сложная культура обращения с животными, его жизнь проходила в рамках сложных знаково-символических систем, и он совсем не осознавал себя простым убийцей¹. Советская психология проецирует на «дикаря» свою культурную ситуацию голода, репрессий, в которой были разрушены традиционные ценности, знаковые системы и люди остались без всякого «опосредования» один на один с пищей и властью, с голыми потребностями и избирательностью восприятия.

Аналогичным образом проекции идут и на животных. Старая сложная культура разрушена, а новая только образуется, и она достаточно упрощенная, состоящая из лозунгов и инструкций («ориентиров» деятельности), и можно отчетливо видеть, как они «интериоризируются», как внешнее, культурное становится внутренним и психическим. И в такой ситуации советская психология стремится найти некоторую исходную точку наблюдения и понимания, позицию первичных очевидностей сознания и некий первичный материал понимания (дикарь, животное и ребенок), чтобы затем из этой точки и материала вывести культурного советского человека. Здесь находится и точка сравнения, сравнительного анализа, сравнения человека и животного (ребенка и животного). Это излюбленная тема советской психологии и её (для неё) очевидный вывод о том, что человек может использовать орудия и на этом основании поются целые гимны человеку. Поэтому деятельность человека всегда орудийна, она представляет собой активность, покорение природы. И здесь отображается еще одна очевидность социального бытия советского человека. Этот человек — всегда публичный, действующий, рабочий человек, он и есть деятельность. Быт советская власть тоже стремится нормировать, поэтому человек представлен своей деятельностью, работой, все работают, активны, все заняты созна-

¹ Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический Проект, 2009.

тельным трудом. И эта ситуация также является социокультурной матрицей для деятельностного подхода в психологии. Ни личности, ни индивидуальности, ни души здесь, конечно, нет, есть только рабский труд, бездушная работа, пусть и с энтузиазмом. Вот такая основа предмета психологии.

Но возвратимся к Гальперину. Вот какой общий вывод он делает из своего анализа: «От характера практической деятельности зависит, следовательно, то, какого рода и в каком разрезе выступят перед сознанием наличные связи окружающей среды», причем не только наличные связи, но и те, которые еще не существуют, но лишь возможны, но и те и другие зависят от того, «какова по своему характеру устанавливающая их деятельность субъекта»². Таким образом, именно деятельность опосредует отношение человека к миру. Отсюда идет ценность деятельностного анализа и Гальперин предлагает понять также и мышление, восприятие, а затем и внимание именно как деятельность. Так что в общем все в психике важно понять, как опосредованное деятельностью. В этом же контексте Гальперин говорит об орудийности психики в дошкольном возрасте и показывает, как мышление рождается из практической деятельности. В. П. Зинченко считает, что «здесь отчетливо виден весомый вклад в то, что потом будет называться деятельностным подходом или психологической теорией деятельности»³. Он отмечает, что этот же ход мысли используется затем А. Н. Леонтьевым в его теории происхождения психики посредством перехода ориентировки с биологически значимых на биологически нейтральные (сигнальные) признаки объектов⁴. Вполне вероятно,

² Гальперин П. Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998. С. 89.

³ Зинченко В. П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко: коллективная монография / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 396–397.

⁴ Зинченко В. П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко: коллективная монография / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 387–412; Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.

что эта концепция, хотя бы отчасти, опиралась на социальный опыт фрустрации и отсрочки удовлетворения потребностей советских людей и идеологической обработки их сознания, потому что это специфическая тематика именно советской психологии.

В. П. Зинченко полагает, что именно с этих пор проблема ориентировки и ориентировочной функции психики стала сопровождать Гальперина на протяжении всей его научной жизни. И только «обращение на нее более пристального внимания» способствовало известное «внешнее обстоятельство, ставшее потом для П. Я. Гальперина (и не только для него) внутренним»¹. Как внешнее становилось внутренним для советской психологии,— это отдельный вопрос. Надо полагать, что это «внешнее» уже изначально у советских психологов было и внутри. Также было и с сигнальной и ориентировочной функциями психики, в которых отражались некоторые важные бытийные характеристики советского образа жизни.

В данном случае речь идет об известной Павловской сессии АН СССР и АМН (1950), когда психологам было приказано следовать павловскому учению о высшей нервной деятельности. И психологи быстро сориентировались и нашли у И. П. Павлова понятия ориентировочный рефлекс, рефлекс «что такое?», ориентировочно-исследовательскую деятельность и т.д.². Так произошло переименование психологической терминологии через ориентировку. И к такой переориентации психологической науки Гальперин оказался, вероятно, наиболее внутренне подготовленным (отсюда его известный доклад 1952 года). Все эти внешние запреты и ограничения позволили ему только углубить свои взгляды и прийти к их систематической и легальной разработке.

Но эта ситуация изменила картину и всей советской психологии. С этого времени, типичная тематика психологических исследований состояла в изучении ориентировочно-исследовательских движений руки и глаза и их роли в формировании навыков, произвольных движений и действий, образов и в решении задач опознания. Ставились и обратные зада-

чи, когда ориентировочные движения выводились из неудачных исполнительных и опознавательных действий³. А. В. Запорожец приходит к выводу, что «в качестве форм ориентировочной деятельности» должны рассматриваться и волевые процессы⁴. Так что, как в ситуации ограничений и запретов, так и без них советская психология изображала собственное социальное бытие, сигнализации наверх о неблагонадежности и враждебных наклонностях, сигнальную поддержку друг друга людьми в ситуации страха и возможных репрессий, так что сигналы и напряженная ориентировка в социальном бытии заменяли настоящее общение в советской действительности. В этом и состояла сигнальная функция психики, которая проецировалась, например, на поведение животных. Это психология экзистенциально (внутренне) одинокого советского человека с советской объективированной психикой, это психология без общения (М. М. Бахтин мог исследовать этот вопрос только на материале литературы, да и то подпольно). Отсюда идет исследование психики на абстрактных моделях первобытного человека, поведения животных, орудийной деятельности детей, которые являются лишь удобным экраном для проекций бедной и ущербной психической жизни советского человека. Здесь, в духе марксизма, психика рассматривается как специфическая надстройка над повседневной деятельностью советского человека (базисом). Этим базисом она формируется, а затем его контролирует. В этом смысле, психологи харьковской школы достаточно реалистично описывали советскую психологию, и, возможно, как раз поэтому все они остались живы и построили карьеру в психологии.

Но постепенно культурная ситуация менялась, а вместе с ней менялась и психологическая терминология. Стали возвращаться к давнему термину сенсорное действие, стали использовать термины опознавательное действие, перцептивное, мнемическое, умственное и психическое действие. Понятие ориентировка стало использоваться наряду с понятиями «ориентировочный образ», появились

¹ Зинченко В. П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко: коллективная монография / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 397.

² Павлов И. П. Мозг и психика. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1996.

³ Зинченко В. П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко: коллективная монография / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 387–412.

⁴ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2-х т. Т. 2. М., 1999. С. 87.

понятия «перцептивный образ», «оперативный образ», «образ-манипулятор», что, по мнению В. П. Зинченко, «свидетельствовало не столько о неудачности понятия «ориентировка», сколько о его бедности, выступавшей на фоне дифференциации исследований и, соответственно, функций ориентировки»¹. Но можно, правда, все это понять и по-другому. Во всех этих новых понятиях, хотя бы имплицитно, содержится действие, то есть в целом они сформулированы в рамках деятельностной психологии, и, в некотором роде, они просто разрабатывают онтологию ориентировочной деятельности.

Эту линию методологических исследований в нашей психологии можно проследить вплоть до сегодняшнего дня, особенно в школе Гальперина, но еще раньше, у А. Н. Леонтьева (сигнальная функция эмоций и др.), у А. В. Запорожца (ориентировочная функция воли, чувств и т.п.). Постановка и решение таких задач вполне законна и может быть актуальной. Но когда последователи Гальперина говорят о том, что его концепцию можно напрямую положить в основу современного образования, то это уже выглядит как достаточно необоснованное утверждение. Надо понимать, что Гальперин разрабатывал именно экспериментальную психологию и экспериментальную психологию нового типа, но отнюдь не педагогическую или какую либо еще прикладную психологию. И он свое дело не завершил, но оставил нам ряд глубоких и эвристичных идей и подходов, которые и важно понять и дальше разрабатывать, в том числе, и в прикладной психологии.

В целом же, конечно, развитие психологии быстро выходило за границы представления психики как ориентировочной деятельности. Появляется инженерная психология, психология личности, социальная психология, которые расширяли задачи и предмет психологии, и теперь уже нельзя было так однозначно утверждать, что предметом психологии является ориентировочная деятельность.

И вот здесь В. П. Зинченко задается очень важным и, пожалуй, центральным для понимания Гальперина вопросом: «Что же заставило П. Я. Гальперина и далее настойчиво сохранять понятие «ориентировка» и выдавать его за пред-

мет психологии?»². И ответ следующий: «Суровое ограничение предмета психологии он делал с позиции исследователя, стремившегося развивать психологию как подлинно объективную науку»³. Это проблема метода, которая стояла на первом месте практически у всех крупных психологов, например, у Л. С. Выготского, З. Фрейда, А. Адлера, Дж. Уотсона, Б. Ф. Скиннера и др. Можно даже проводить некоторые параллели, например, между Уотсоном и Гальпериным и другими крупными психологами. Гальперин так же, как Уотсон, тоже искал некоторые объективные корреляты психики. Как врач по образованию и как материалист он хотел найти некоторую материальную основу психического, стремился как бы пощупать его руками, а как исследователь он был устремлен к тому, чтобы найти какие-то объективные способы его фиксации, какие-то объективные ловушки для психического. Если психика есть ориентировочная деятельность, то необходимо вначале развернуть ее вовне, чтобы она предстала в наблюдаемой форме в виде материальных действий, а затем уже организовать их интериоризацию, систематически ее контролируя. Но если понять деятельность как уже всегда существующую вовне индивида, рефлексированную и описанную в культуре, то психика в гальперинском смысле уже с самого начала существует в культуре. Она как бы рассредоточена в различных формах деятельности (в том числе и семиотических), как бы разлита в них и только в процессе интериоризации входит в человека. В этом смысле, гальперинская психика как ориентировочная деятельность (в объективном мире, в деятельности) — это некая объективная психика⁴.

Вначале для Гальперина объективной основой психики выступала практическая деятельность, которую психика как бы обслуживает и внутри которой она формируется, и, наконец, из которой рождается мышление. Эту линию исследований продолжили ученики Гальперина. Здесь задача состояла, прежде всего, в том, чтобы найти ту практическую деятельность, внутри которой некоторая психическая способность (умственное действие и т.п.) формируется. С одной стороны, это как будто бы марксистская линия мысли. Но, с другой

¹ Зинченко В. П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко: коллективная монография / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 398.

² Там же. С. 398.

³ Там же. С. 398–399.

⁴ Олешкевич В. И. История и логика развития европейской психотехники: монография. М.: МОРУ, 2005; Олешкевич В. И. История психотехники: учебное пособие по психологии. М.: Академия, 2002.

стороны, если вдуматься в нее, то можно прийти к выводу о том, что она могла возникнуть именно в советском обществе, в котором все вначале разрушается, а затем вновь строится на новых основаниях (и Гальперин тоже строит психическое действие заново, на новых методологических основаниях). Советский же человек (и советские психологи) являлись очевидцами как разрушения старого мира, так и процессов построения нового культурного мира. Психологи существовали в подвижном, но и связанном административно-функциональном социальном бытии, которое представлялось рационально прозрачным и понятным, и им казалось, что такой же должна быть и психика. Для сравнения, скажем, З. Фрейд и не помыслил бы что-то формировать заново в человеке, поскольку считал его природу уже установленной, так же и для Ж. Пиаже развитие интеллекта уже укоренено в человеческую биологию. А советские психологи находятся как бы в подвешенном состоянии, у них нет этого ощущения укорененности, поскольку они живут в очень подвижном мире, с одной стороны, предсказуемом, а с другой стороны, совершенно непредсказуемом, иррациональном. И этим бытийным состоянием определялась их психология.

Впоследствии Гальперин больше сосредотачивается на изучении ориентировочной деятельности самой по себе. Был период, когда он отождествлял психическую и ориентировочную деятельность: «Сама психическая деятельность (не то, чем она является в самонаблюдении, а то, что она есть на самом деле) по самой общей и основной жизненной функции есть не что иное, как ориентировочная деятельность. У активных живых существ эта деятельность становится ведущей, потому, что самое важное и трудное в поведении — это правильно ориентироваться в обстоятельствах, требующих действия и далее правильно ориентировать свои действия»¹. Читая эти строки, так и хочется подставить вместо животных советского человека, которому действительно необходимо правильно ориентироваться в обстоятельствах и особенно тех, которые требуют действия, а затем правильно ориентировать свои действия. Но Гальперин все это проецирует на животных. А в советском обществе действительно было важно правильно ориентироваться, те и выживали, кто правильно ориентиро-

вался. Так может отсюда и растет идея ориентировки в советской психологии?

Гальперин всю жизнь продолжал искать. Впоследствии такое определение предмета психологии казалось ему недостаточным, и он ставил задачу выделения из психической деятельности собственно психологического содержания, но затем мог его снова отождествлять с психикой и т.д. Но за всеми этими переформулировками стоял некий двойственный интерес Гальперина в психологии. С одной стороны, он всю жизнь задавался вопросом: что такое психика или что такое мышление. Но, с другой стороны, он искал объективный метод в психологии. Можно сказать, что это внутреннее «противоречие» и было некоторой движущей силой творческих поисков Гальперина. Как врач, как материалист и как психолог Гальперин хотел понять психику, психическое, но они все время ускользали от него, вначале в невропатологии и психиатрии, а затем и в психологии. И здесь ему, конечно, было нелегко. Действительно, какая психика у советского человека? Советская власть воспитала его на страхе, на ограничениях самовыражения, минимумах потребления, самоконтроле и т.п. У него-то и внутреннего мира почти нет, или он сплошь объективирован и рационализирован. Так что психика, как золотая рыбка постоянно уходила от Гальперина, и он назначил на ее место ориентировку. А вот, что касается метода, то Гальперин, как когда-то до него И. П. Павлов был последователен и шел до конца, поэтому, прежде всего, именно своей методологией он сегодня особенно интересен.

Несмотря на то, что в советской психологии много проекций собственного опыта на иные объекты и несмотря на то, что она слабо осознавала источники своего опыта (в общем-то, это дело поправимое, такие же слепые пятна нетрудно обнаружить и в западной психологии, но все это, конечно, нужно реконструировать), она имела дело с уникальным историческим опытом, который необходимо осознать и исследовать. Несмотря на всю трагичность российского социального эксперимента, психология может и должна извлечь из него важный опыт относительно психики (сознания) человека и общества. Именно на основе этого опыта, советского опыта изменения и формирования человеческой психологии вырастает метод Гальперина. Осознав и проанализировав все теневые стороны советской психологии, важно затем вновь реконструировать весь ее позитив и актуальные возможности и ввести ее в общий контекст мировой психологии. Все это относится и к психологии П. Я. Гальперина.

¹ Гальперин П. Я. Проблема деятельности в советской психологии // Гальперин П. Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998. С. 268–269.

* * *

Для аналитического усмотрения точек роста концепции Гальперина важно изучать не просто его теорию в целом (хотя и она требует критического анализа¹, но исследовать по отдельности его некоторые ключевые и эвристичные идеи. Так можно выделить определенные «зоны ближайшего развития» ряда методологических идей Гальперина не только в отношении экспериментальной психологии, но и по отношению к прикладной психологии и психологической практике.

1. Гальперин полагал, что предметом психологии является процесс ориентировки субъекта в ситуации, которая открывается в психическом отражении. И затем он обращает весь свой интерес именно на ориентировку, на ее формирование, структуру, динамику, на ее качества, возможности и т.п.² И тогда задача состоит в том, чтобы выделить во всех известных психических функциях ориентировку и понять внимание, волю, чувства, мышление и т.п. как определенную ориентировочную деятельность, определить их ориентировочные функции и проанализировать их процессуально. Ее ставил и пытался решать и А. В. Запорожец³. Такая задача, поставленная Гальпериным и несколько по-другому А. В. Запорожцем, остается актуальной и сегодня. Подтверждением этому являются, например, активные исследования в современной психологии таких феноменов как эмоциональный интеллект, социальный интеллект, интуиция и т.п.

Но для того, чтобы эффективно осуществлять такие исследования, надо найти место ориентировке во всей целостности системы «психика». Например, когда мы ориентируемся в лесу, то у нас уже есть предварительное знание и понимание того, что такое лес и какие опасности он может представлять, что такое солнце и т.п. Таким образом, ориентировка надстраивается на уже существующие у нас психические реальности. Можно ориентироваться по солнцу, по компасу и по иным признакам, но общее понимание мира и себя в нем у нас уже есть, и только на этой основе как раз

и вырастает ориентировка. Выделение признаков осмыслено из общего понимания данного объекта. Такое сложное, обычно неосознаваемое понимание лежит, например, в основе нашей ориентировки в большом городе, ориентировки по картам и т.п. Но реальные ориентировки могут строиться на основе инструкций, знаний, на основе понимания ситуации и на основе реального бытия (например, когда говорят: «Я там был» или «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»). И это будут разные уровни и качества ориентировки. Также существуют различные способы понимания, на основе которых может вырастать (или строиться) ориентировка. Помимо интеллектуального понимания, в основе ориентировки может лежать эмоциональное, интуитивное или чувственное понимание. И эти формы ориентировки будут отличаться от ориентировки, построенной на основе интеллектуального понимания. Но ориентировка может быть и бессознательной или почти бессознательной, как в случае сигнальной функции эмоций у А. Н. Леонтьева. Наконец, ориентировка может быть и просто механической, выученной и внешней для самосознания индивида, как в случае правил приличия, умения вести себя в обществе и в иных утилитарных случаях. Но такая же социальная ориентировка может строиться и на основе понимания себя и других людей.

Понимание же предполагает понимание себя и внешнего объекта (окружения) и понимание особенностей этого объекта и себя в его окружении. А для того, чтобы понять некий объект, необходимо войти в него, так погрузиться в него, что он должен стать некоторой нашей средой, внутри которой мы можем проявлять активность, следуя некоторым законам этого объекта. Именно в этом смысле говорят, что чтобы научиться плавать, надо войти в воду. Но и не только войти, но понять некоторые законы водной стихии и только идентифицировавшись с ними, можно научиться плавать и «ориентироваться» в воде. Все остальное — только внешние ориентировки по «поведению на воде». Далее, объект оказывает и определенное сопротивление нашим действиям, поэтому действие с объектом или внутри этого объекта — это еще и претерпевание, которое тоже требует понимания. При обучении плаванию учатся не только чувствовать воду (и ее течения и т.п.), но и свое тело в воде. А на этой основе строится внутренняя ориентировка о состоянии своего тела (организма) и психики. В этом смысле, понимание своего состояния, ориентировка в нем и его регуляция являются необходимыми элементами всякого эффективного действия. Таким же

¹ Олешкевич В. И. История и логика развития европейской психотехники: монография. М.: МОРУ, 2005; Олешкевич В. И. История психотехники: учебное пособие по психологии. М.: Академия, 2002.

² Гальперин П. Я. Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1976.

³ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2-х т. Т. 2. М., 1999.

условием является не только идентификация себя с объектом, но и отделение его от себя, а также некоторая самоидентификация, изнутри которой растет понимание, а на его основе и ориентировка.

Нечто подобное можно сказать и об ориентировке в мышлении. Здесь мы можем, конечно, по определенным признакам определить качество мышления, парадигму, на которой оно строится, его идеологию и т.п. Но такая ориентировка все же строится на некотором предварительном понимании. Чтобы ориентироваться в математике или философии, нужно их сначала знать и понимать. Когда человек говорит, что он ориентируется в психологии, это предполагает некоторый длительный предварительный процесс понимания, причем понимания именно всей мировой психологии (философии, математики и т.п.), потому что это некоторое развивающееся целое. И человек не может сказать, что эта психология ему нравится, поэтому он ее изучает, а другая не нравится, поэтому он ее игнорирует. Только после того, как он все понял, он имеет право высказывать свои оценки. Потому что понять по-настоящему можно только целое, а ориентировка в целом является наиболее глубокой и продуктивной. Хотя, конечно, можно ориентироваться и механически, усвоив определенные схемы без какого-то особого их понимания. Другое дело, что можно понимать предмет с «разных концов», и это уже зависит от конкретной индивидуальности понимающего. Можно, конечно, создать и некоторую общую ориентировку для понимания, но каждый человек все равно должен пройти свой путь, своим особым способом.

Гальперин в этом случае говорит о психическом отражении. Но феномен психического отражения, на основе которого строится ориентировка, у Гальперина дальше обычно не исследуется. Психическое отражение как бы берется за некоторую константу психической жизни или просто выносится за скобки. Психическое отражение так же, как материя внешнего мира, рассматривается лишь как основа или просто материал для ориентировочной деятельности. Так же, как природа в марксизме рассматривается преимущественно как материал для производственной деятельности человека, так и психическое отражение у Гальперина есть только основа для ориентировочной деятельности. Само по себе оно как будто не имеет самостоятельного значения. Психическое отражение (и связанное с ним сознание) как бы замораживаются. И это действительно происходит в культуре и жизни человека, например, в процессе его обучения: мир

и сам человек фиксируются в рамках жестких понятий и стереотипов, установок и т.п. Остается только некоторая свобода оперирования этой зафиксированной реальностью по заданным правилам. Здесь присутствует явное идеологическое влияние. Но именно из этого положения исходили формирующие исследования Гальперина и его школы. Эта ситуация требует своего анализа, как методологического, так и социологического.

2. Вместе с тем, как сам Гальперин, так и другие представители деятельностной психологии считали, что психика формируется внутри деятельности, и исходя, в частности, из этого выделяли пристрастность психического отражения, его значимость и т.п. И здесь психическое отражение, его структура и функции обретают самостоятельное значение. Это же показали исследования восприятия в западной психологии. Психическое отражение на самом деле не менее динамично и функционально, чем ориентировка. Оно может проявлять себя в виде ощущения, восприятия, чувства, мышления, интуиции и т.п. Оно затрагивает как ситуацию, в которой оказался индивид, так и самого индивида или некоторого субъекта (субличности), познания и действия внутри него.

В данной экзистенциальной ситуации ориентировка, по крайней мере, в свернутом виде, уже присутствует с самого начала, в частности, в виде интенций и интересов субъекта познания и действия. Она может осуществляться и развиваться во внутреннем плане, но может и разворачиваться вовне в виде пробующих движений и т.п.¹ В этом случае мы можем изучать именно рост и развитие ориентировки в определенной ситуации у отдельного индивида. Так мы можем исследовать, с одной стороны, рост и развитие ориентировки в различных ситуациях, а с другой стороны, развитие ориентировки у отдельного индивида, различных типов личностей и т.п. От такого рода задач Гальперин в свое время уходил, но именно этого типа задачи актуальны сегодня в практической психологии, в частности, в медицинской психологии, психокоррекции и т.п.

В рамках так поставленной проблемы ориентировку трудно отделить от психического отражения, поскольку именно оно определяет характер ориентировки, последняя как бы вырастает из него. Но меняя ситуации, порождающие психическое отражение, мы можем получать и разные типы ориен-

¹ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2-х т. Т. 2. М., 1999.

тировок. Здесь можно, например, варьируя различные экзистенциальные ситуации, а соответственно, и типы психического отражения, задаваться целью получить некоторую ориентировку с «заданными свойствами». Такие задачи достаточно часто встречаются в практической психологии.

3. Гальперин говорил, что психика возникает тогда, когда автоматизмы не срабатывают¹. Он это утверждал на материале филогенеза, но нечто подобное мы можем обнаружить и на материале актуального генеза, и здесь мы можем такие психические явления достаточно подробно изучать. Если по каким-то причинам автоматизм не срабатывает (вследствие изменения условий, фрустрации и т.п.), мгновенно возникает (хотя бы на миг) «психическое отражение», которое в данном случае тождественно сознанию (осознанию) или самосознанию. Затем оно быстро обозначается, рационализируется, и на его основе развивается ориентировка, компенсаторная активность или защитная деятельность, которые могут совмещаться в рамках одного синкретического направления психической активности. Это означает, что непосредственное психическое отражение обычно болезненно и непривычно, поскольку оно касается, прежде всего, нас самих. Близкие идеи развивал и А. Адлер².

Другими словами, фрустрация автоматизма инициирует явления непосредственного самосознания, которые обычно непривычны и болезненны для индивида. Но на этом самосознании «живут автоматизмы», на его основе формируется как ориентировка, так и защитная деятельность. И, прояснив это самосознание, мы можем понять также специфику и особенности как ориентировки, так и защиты. Таким образом, реконструируя «психическое отражение», на основе которого формируется ориентировка, мы можем понять непосредственную причину и первичную базу, на которой формируются как автоматизмы, так и ориентировка, в том числе, мы можем понять и то, от чего индивид хочет убежать.

Ведь психическое отражение формируется изнутри. Вначале появляется внутреннее психическое отражение, затем оно проецируется вовне, и на его основе формируется ориентировка, наряду с другими способами реагирования и деятельности. Здесь мы можем увидеть стратификацию и многоуровне-

вость психической деятельности: непосредственное психическое отражение, его обозначение, идентификация субъекта реагирования или деятельности, ориентировка, компенсация, защита и т.д. Таким образом, ориентировка в широком смысле представит перед нами в виде сложного и многоуровневого явления. Это еще один способ изучения ориентировки, который может иметь широкое практическое значение, например, в клинической психологии, образовании и т.д.

Таким образом, можно выделить три стадии развития как психического отражения, так и ориентировки. Они развиваются изнутри психики индивида в проблемной ситуации (1-я стадия), затем проецируются вовне (2-я стадия) и, наконец, объективировавшись, снова уходят внутрь (3-я стадия). Первый тип ориентировки — это ориентировка в собственной психике, второй тип — в мире, а в третьем типе происходит привнесение внешнего мира во внутренний мир, в самосознание. И каждое из этих состояний психического отражения и ориентировки может подлежать управлению и коррекции, но по-разному, различными методами. Другие методы необходимы для управления сложной динамикой переходов внутреннего во внешнее и наоборот.

Поскольку психическое отражение и ориентировка на его основе возникают в конкретной ситуации, то они всегда частичны. Они затрагивают, прежде всего, конкретную область работы автоматизмов, «покрывающих» некоторое прошлое психическое отражение. На месте нового психического отражения происходит идентификация, и формируется субъект деятельности или реагирования, частичный субъект (или субличность), который и осуществляет ориентировку. Другая субличность может наблюдать формирование психического отражения и ориентировки, и это будет ориентировка в ориентировке.

4. Гальперин был против феноменологического подхода в психологии. Его интересовали не явления психической деятельности (психики), а она сама, так сказать, ее сущность. А эта сущность обнаруживает себя не в том, как что-то переживается и т.п., а в том, что психика делает. Согласно Гальперину, она именно ориентирует. В действительности, психика не только ориентирует, но и защищает, интроецирует, понимает, осознает, экстериоризирует и т.п. И все эти психические действия происходят не обязательно на основе ориентировки. Например, для того, чтобы ориентироваться, индивид уже должен произвести определенную самоидентификацию. Но вместе с тем, все это психические действия в ши-

¹ Гальперин П. Я. Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1976.

² Олешкевич В. И. Индивидуальная психология и психотерапия Альфреда Адлера: учебное пособие. М.: Обнинск, 2010.

роком смысле. Это то, что психика делает. В этом отношении вопрос Гальперина остается и к этому более широкому предмету психологического исследования. Правда, в этом предмете мы найдем не только действия в собственном смысле слова, но и реакции и даже не-деяние, которые вместе с тем, тоже могут быть описаны деятельно.

Гальперин ставил также перед собой задачу понять психическую деятельность как предметную деятельность и исследовать ее процессуально. Эта задача также остается в целом по отношению к расширенному предмету психологического исследования. Единственным, но очень важным уточнением здесь будет следующее: психическое действие в широком смысле смотрит в две стороны, оно исходит от субъекта и ориентировано на некоторый культурный объект, который каждый раз принимает самые различные формы, но именно объект организует извне психическое действие¹. Например, другой человек организует извне экстерниоризацию, интериоризацию, осознание и т.п. То есть всегда существует некоторый вид коммуникации, который может предстать в виде внутреннего диалога, в форме монолога или развернутого композиционно диалога. Другая сторона, организующая психическое действие, может быть также объективирована в условиях, организующих деятельность или поведение индивида. Даже тогда, когда объект психического действия предстает в виде сырого материала, всегда можно найти культурный объект, который извне организует и мотивирует деятельность индивида.

С учетом всего вышесказанного, мы можем изучать условия актуализации и развития определенного психического действия. Гальперин и его школа изучали условия интериоризации ООД. Но мы также можем изучать условия проекции, экстерниоризации, осознания, идентификации и т.д. Рассматривая этот вопрос более технически, мы можем утверждать, что всякое психическое действие, процесс и т.п. опирается на определенное подкрепление и организуется им. И мы можем поставить в соответствие каждому психическому процессу, действию, реакции определенное подкрепление, и тогда появляется возможность превратить эти связи в предмет отдельного исследования. В таком случае можно будет

говорить об оптимальных видах подкрепления для функционирования и развития определенного рода «психических действий». На такой онтологической базе может быть построена особая техническая психологическая дисциплина.

5. С этим связаны и возможности развития положения Гальперина: исследовать значит сформировать. Но если в формирующем эксперименте Гальперина происходила интериоризация развернутой вовне ориентировки предметного действия, то теперь можно расширить задачу. Для того чтобы осуществить формирующий эксперимент по Гальперину, вначале нужно исследовать ориентировочную основу определенного предметного действия и в этом смысле, ответить на вопросы, что это такое, как оно возможно и в каких условиях происходит его формирование. Нечто подобное мы можем сказать и по отношению к прочим «психическим действиям», воле, пониманию, мышлению, самосознанию, проекции и т.п. Если мы знаем, как они устроены, каков их генезис и т.п., то мы можем их сформировать. Например, чтобы сформировать волевое действие, мы должны знать, что означает быть «волевым человеком» и как к этому люди приходят.

Формирующий эксперимент, как и всякий эксперимент, является, прежде всего, проверкой этой нашей «теории». Но чтобы получить такие «теории», мы должны изучать реальный опыт, который обычно является многослойным и неоднородным. Таким образом, мы приходим к необходимости феноменологического исследования как к необходимому предварительному этапу формирующего эксперимента. Ведь такое исследование, в сущности, было необходимо и для построения ориентировочной основы предметного действия. Другое дело, что гуссерлевской феноменологии здесь может быть недостаточно. Тут потребуется еще и специальная генетическая, интересубъективная и пр. типы феноменологических исследований. Но именно феноменологические исследования только и могут открыть широкие возможности для формирующих исследований. Соединение этих двух типов анализа открывает новый потенциал как в феноменологии (и психологии) Э. Гуссерля, так и в психологии Гальперина и можно сказать, открывает новое дыхание в его психологии.

¹ Зинченко В. П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко: коллективная монография / Под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 387–412.

Список литературы:

1. Артемьева О.А., Синёва О.В. Теоретические основы изучения проблемы соотношения прикладной и практической психологии // NB: Психология и психотехника. 2013. № 3. С. 249–270. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_599.html).
2. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Психологическая концепция идентичности Э. Эриксона в зеркале личной истории автора (опыт исследования природы клинико-психологического знания). М.: ООО «ИПЦ «Маска»», 2011.
3. Ван Ш.Л., Войскунский А.Е. Теоретико-эмпирическое исследование становления психологии Интернета в Китае на материале проблемы зависимости от Интернета // NB: Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 155–237. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_738.html).
4. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1976.
5. Гальперин П.Я. Проблема деятельности в советской психологии // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998. С. 249–271.
6. Гальперин П.Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1998. С. 37–93.
7. Гуревич П.С. Прототип и образ // Психология и психотехника. 2011. № 10. С. 4–6.
8. Гуревич П.С. Дети и деньги // Психология и психотехника. 2011. № 2. С. 5–7.
9. Гуревич П.С. Пастораль и грех // Психология и психотехника. 2011. № 2. С. 109–110.
10. Запорожец А.В. Развитие произвольных движений // Запорожец А.В. Избранные психологические труды. В 2-х т. Т. 2. М., 1999.
11. Зинченко В.П. Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко: коллективная монография / Под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 387–412.
12. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
13. Олешкевич В.И. Индивидуальная психология и психотерапия Альфреда Адлера: учебное пособие. М.; Обнинск, 2010.
14. Олешкевич В.И. История и логика развития европейской психотехники: монография. М.: МОСУ, 2005.
15. Олешкевич В.И. История психотехники: учебное пособие с грифом УМО по психологии. М.: Академия, 2002.
16. Олешкевич В.И. Методологический анализ процессов психологической реабилитации в наркологической клинике // NB: Психология и психотехника. 2013. № 1. С. 1–37. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_386.html).
17. Павлов И.П. Мозг и психика. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЕК», 1996.
18. Попов Е.А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // NB: Философские исследования. 2013. № 3. С. 170–204. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
19. Хант М. История психологии. М.: АСТ МОСКВА, 2009.
20. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический Проект, 2009.

References (transliteration):

1. Artem'eva O.A., Sineva O.V. Teoreticheskie osnovy izucheniya problemy sootnosheniya prikladnoi i prakticheskoi psikhologii // NB: Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 3. С. 249–270. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_599.html).
2. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Psikhologicheskaya kontseptsiya identichnosti E. Eriksona v zerkale lichnoi istorii avtora (opyt issledovaniya prirody kliniko-psikhologicheskogo znaniya). М.: ООО «ИПЦ «Маска»», 2011.

3. Van Sh.L., Voiskunskii A. E. Teoretiko-empiricheskoe issledovanie stanovleniya psikhologii Interneta v Kitae na materiale problemy zavisimosti ot Interneta // NB: Psikhologiya i psikhotekhnika. 2013. № 4. С. 155–237. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_738.html).
4. Gal'perin P. Ya. Vvedenie v psikhologiyu. M.: Izd-vo MGU, 1976.
5. Gal'perin P. Ya. Problema deyatel'nosti v sovetskoj psikhologii // Gal'perin P. Ya. Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka. M.: Izd-vo «Institut prakticheskoi psikhologii»; Voronezh: NPO «MODEK», 1998. S. 249–271.
6. Gal'perin P. Ya. Psikhologicheskoe razlichie orudii cheloveka i vspomogatel'nykh sredstv u zhivotnykh i ego znachenie // Gal'perin P. Ya. Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka. M.: Izd-vo «Institut prakticheskoi psikhologii»; Voronezh: NPO «MODEK», 1998. S. 37–93.
7. Gurevich P. S. Prototip i obraz // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2011. № 10. S. 4–6.
8. Gurevich P. S. Deti i den'gi // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2011. № 2. S. 5–7.
9. Gurevich P. S. Pastoral» i grekh // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2011. № 2. S. 109–110.
10. Zaporozhets A. V. Razvitie proizvol'nykh dvizhenii // Zaporozhets A. V. Izbrannye psikhologicheskie trudy. V 2-kh t. T. 2. M., 1999.
11. Zinchenko V. P. Petr Yakovlevich Gal'perin: ot deistviya s zadannymi svoystvami k svobodnoi mysli // Stil» myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya. K 80-letiyu Vladimira Petrovicha Zinchenko: kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. T. G. Shchedrinoi. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. S. 387–412.
12. Leont'ev A. N. Problemy razvitiya psikhiki. 4-e izd. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981.
13. Oleshkevich V. I. Individual'naya psikhologiya i psikhoterapiya Al'freda Adlera: uchebnoe posobie. M.; Obninsk, 2010.
14. Oleshkevich V. I. Istoriya i logika razvitiya evropeiskoi psikhotekhniki: monografiya. M.: MOSU, 2005.
15. Oleshkevich V. I. Istoriya psikhotekhniki. Uchebnoe posobie s grifom UMO po psikhologii. M.: Akademiya, 2002.
16. Oleshkevich V. I. Metodologicheskii analiz protsessov psikhologicheskoi reabilitatsii v narkologicheskoi klinike // NB: Psikhologiya i psikhotekhnika. 2013. № 1. С. 1–37. (URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_386.html).
17. Pavlov I. P. Mozg i psikhika. M.: Izd-vo «Institut prakticheskoi psikhologii»; Voronezh: NPO «MODEK», 1996.
18. Popov E. A. Kul'tura, obshchestvo i chelovek v ob'ektno-predmetnom pole sovremennoi sotsial'noi kul'turologii i sotsiologii kul'tury // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 3. С. 170–204. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
19. Khant M. Istoriya psikhologii. M.: AST MOSKVA, 2009.
20. Eliade M. Istoriya very i religioznykh idei: Ot kamennogo veka do elevsinskikh misterii. M.: Akademicheskii Proekt, 2009.